

Гора Юньфу была богата духовной энергией, потому и собранные здесь продукты отличались особой свежестью. Чжун Минчжу отхлебнула рыбного супа и ощутила, что высшее наслаждение жизни — именно в этом. Взглянув на Чан Ли, она увидела, как та, откусав паровой лепёшки, взяла кусочек курицы с бамбуковыми побегами и отправила его в рот.

А это была кость. Чжун Минчжу, чтобы было удобнее есть, при разделке удалила кости, но для аромата оставила их вариться вместе с мясом.

— Погоди, — она хотела остановить Чан Ли, но затем подумала, что практикующие часто бывают странными, и у них могут быть необычные пристрастия. — Ты любишь глотать кости?

Чан Ли ответила:

— Нет. — Голос её был спокоен, совсем не как у человека, собирающегося отправить кость в рот.

Неужели она не понимает, что взяла? Чжун Минчжу вдруг почувствовала лёгкую головную боль и ткнула пальцем в кость:

— Это несъедобно.

— Угу. — Чан Ли положила кость обратно.

Чжун Минчжу почесала нос, и её охватило желание вздохнуть. Присмотревшись к тому, как ест Чан Ли, она быстро смекнула, в чём дело.

Та держала палочки несколько неуверенно, словно не имела привычки. Суп пила прямо из миски, хотя рядом лежала бамбуковая ложка, которую Чжун Минчжу собственноручно вырезала.

Хотя в этом не было ничего особенного, для особы положения Чан Ли это казалось неподобающим.

Она вспомнила, что та с девяти лет жила одна, а кухни здесь раньше и в помине не было, и спросила:

— Осмелюсь спросить, бессмертная, в каком возрасте вы обратились к питанию ци?

— Должно быть, более двухсот лет назад. — Чан Ли не помнила точной даты. Дни её были заполнены практикой, и она часто не замечала, сколько раз сменились времена года.

— Сами когда-нибудь готовили? — Чжун Минчжу перефразировала вопрос.

— Нет.

— А до обращения к питанию ци что обычно ели?

— Наставник каждый месяц приносил духовные плоды.

Вопрос — ответ, голос Чан Ли оставался ровным, но Чжун Минчжу к концу уже едва усидела на месте.

Ребёнку всего несколько лет от роду — и только плоды глотать? Почему бы просто не оставить её на вершине впитывать небесную и земную ци?

Не иначе Секта Тяньи детей мучает? Но затем она вспомнила, что на Пике Минцзин ей хотя бы горячее перепадало, и решила, что это, наверное, была воля старшего У.

Неожиданно она почувствовала к Чан Ли искреннюю жалость. Прожив так долго, та, вероятно, почти не видела нормальной еды. Неудивительно, что с палочками управляется неловко. Интересно, что подумали бы её обожатели?

Наверное, восхищались бы ещё больше. Прямо-таки живое воплощение бессмертной девы с горы Гуше.

«На горе Гуше обитает божественная особа. Кожа её — словно лёд и снег, статность — словно у девственницы. Не вкушает пяти злаков, вдыхает ветер, пьёт росу, восседает на облачных парах, управляет летающими драконами и странствует за пределами четырёх морей. Дух её сосредоточен, отчего вещи не портятся, а хлеба созревают».

Так гласила легенда, дошедшая с древних времён. Чжун Минчжу не помнила, где её читала. В те времена в мире ещё существовали боги, и смертные, желая приблизиться к ним, практиковали бессмертие, дабы вырваться из мирской пыли.

А она находила эту самую пыль весьма занятной.

«Видно, не гожусь я для бессмертия», — вдруг подумала она и на миг застыла, но затем махнула рукой. В конце концов, в Секте Тяньи не требовалось отречься от семи чувств и шести желаний, так к чему лишние думы?

Лучше уж побольше соблазнять свою будущую наставницу, дабы та вкусила все оттенки мира. Хотя бы чтобы на лице появилось побольше эмоций, а то каждый день глазеть на статую — живого задушишь.

Она достала маленькое блюдце, положила на него кусочек курицы и пододвинула к Чан Ли.

— Кости слишком твёрдые, а вот мясо вкусное. Попробуй.

Чёрные глаза остановились на её лице, и через мгновение Чан Ли снова взяла палочки.

Увидев это, Чжун Минчжу прищурилась, и улыбка её стала ещё лучезарнее.

Эта трапеза длилась долго. Чжун Минчжу, подкладывая Чан Ли еду, рассказывала ей о разных яствах.

Мелкие карасики, выловленные в ручье, — костлявые, но мясо нежнейшее; дикие куры эти выросли на лесных грибах, и если перед готовкой вымочить их в вине, аромат станет ещё насыщенной; в паровые лепёшки подмешаны рубленые водяные орехи, оттого они и мягкие, и хрустящие, с лёгкой сладостью.

Она даже подробно объяснила, что можно есть, а что — ни в коем случае.

Не знала она, слушает ли её Чан Ли. Всё время говорила лишь она одна, Чан Ли же и взглядом её не удостоила. Но всё, что ей подкладывали, та съедала. Тихо, безмолвно, что дадут — то и ест. Чжун Минчжу даже начало казаться, что, положи она кость, Чан Ли и её бы отправила в рот.

С огромным трудом она подавила этот порыв, затем поела сама, и вдвоём они доели два блюда,

суп и тарелку с лепёшками дочиста. Прибрав посуду, она развернула свёрток.

Внутри оказалась новая нефритовая табличка личности, два комплекта одежды внутреннего ученика, несколько нефритовых табличек с заклинаниями формаций от Юнь И, десять флаконов пилюль среднего качества и сто духовных камней.

Она осклабилась, почувствовав, как резко улучшилось её положение после повышения до внутреннего ученицы.

Затем она взглянула на подарок от Чан Ли для принятой в ученицы и аж ахнула: двадцать аккуратных слитков высокоочищенного красного золота.

Красное золото было в этом мире самым твёрдым металлом. Добавленное при ковке оружия, оно значительно повышало прочность артефакта, особенно клинкового. Если же выковать оружие целиком из красного золота, получится несокрушимый клинок. Но стоило оно слишком дорого, и обычно практикующие использовали его лишь как добавку. А тут Чан Ли одним махом выдала ей двадцать слитков высочайшей чистоты — хватило бы на пять-шесть мечей. Щедрость неслыханная.

Не знала она, так ли на других пиках, но подарок казался непомерно ценным. Затем она сообразила, что на Пике Тяньтай сейчас всего двое, и Чан Ли, наверное, просто хранила это добро в кольце-хранилище, где оно и пропадало, потому приняла дар со спокойной душой.

Затем она не стала мешкать, переделалась и последовала за Чан Ли в главный зал. Тот был отгорожен защитным барьером и давно не видел людей, отчего огромное помещение казалось особенно безлюдным и холодным.

Совершив церемонию поклонения учителю перед статуей Даоса Тяньи, она увидела, как Чан Ли начертала печать перед изваянием, и из пустоты возникла стена. Мельком глянув, она различила множество имён.

— Что это за имена? — спросила она.

— Прямые преемники Пика Тяньтай. — Чан Ли начертала имя Чжун Минчжу под своим.

Тут же проступила тонкая линия, соединившая их имена.

Чжун Минчжу заметила, что над Чан Ли было имя У Хуэй, но от него отходили четыре линии, а перед Чан Ли значились ещё три имени.

— Цзин Юй, Яо Гуан, Юнь Лю, — прочла она. — Кто они? Мои старшие братья по учителю?

— Да.

Чжун Минчжу вспомнила, как Дин Линъюнь говорила, что до вступления Чан Ли на Пике Тяньтай был лишь У Хуэй, и спросила:

— А где они теперь?

— Они умерли. — Чан Ли произнесла это бесстрастно.

«Неудивительно, что на Пике Тяньтай так пустынно», — вздохнула про себя Чжун Минчжу. Затем она отметила, что имена трёх старших братьев были так или иначе связаны с нефритом, и лишь Чан Ли олицетворяла огонь, резко выделяясь на их фоне.

«Наверное, должно было быть „Ли“?» — подумала она. Собиралась спросить Чан Ли, но удержалась.

Вряд ли та знает.

Когда они вернулись в Обитель Чунмин, была уже глубокая ночь. Чан Ли объяснила некоторые аспекты практики, но Чжун Минчжу слушала вполуха, а затем принялась расспрашивать о той башне. Она собиралась выяснить это сразу по возвращении Чан Ли, но та сбила ей весь настрой, и вопрос повис до сих пор. Чан Ли не стала скрывать, прямо заявив, что то место её практики.

— Вскоре после закладки основания я переселилась в ту башню для постижения меча и вышла лишь после формирования зародышевой души.

— Я видела, мечи те остры, но блеска на них нет. Почему? — поинтересовалась Чжун Минчжу, в душе же гадая: «Может, боялась, что мечевое ци ранит, и специально сделала так?»

Чан Ли ответила:

— Изначально те мечи сами излучали мечевое ци, но когда я вышла, они стали такими.

«Значит, это ты их испортила», — подумала Чжун Минчжу, не зная, то ли удивляться, то ли сожалеть. Она помолчала немного, а Чан Ли удалилась в свою комнату.

Та не стала закрывать дверь, и, войдя, принялась не отдыхать, а медитировать, вдыхая и выдыхая ци.

Даже словечка вроде «Я пойду отдохну» не сказала, мысленно покачала головой Чжун Минчжу. Её саму часто корили за невоспитанность, но эта наставница, выходит, ещё хуже. Обычно она на такое не обращала внимания, но теперь, оказавшись на месте того, кого столь бесцеремонно игнорируют, почувствовала лёгкий дискомфорт. В конце концов, она сходила, поймала того самого кролика, что бросила во дворе в полдень, и, держа его за ухо, принялась жаловаться на холодность учительницы, и лишь затем отправилась в свою комнату отдыхать.

Авторское примечание: Наставница — настоящая бессмертная дева. Видела живых, покрытых перьями кур, резвящихся в лесу, но не видела их разделанных и разложенных по тарелкам (X

<http://bllate.org/book/16292/1468327>